

УДК 159.9

Татьяна Вячеславовна Парфенова*магистр психологии, преподаватель каф. экспериментальной и прикладной психологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***Tatiana Parfyonova***Master of Psychology, Teacher at the Department of Experimental and Applied Psychology Department
of the Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: Parfenova_TV@grsu.by*

НАРРАТИВЫ КОСВЕННЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ О ПЕРЕЖИВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена проблематике переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями. Косвенные свидетели – это люди, которые лично не присутствовали при свершении события, но узнали о нем из разных источников информации. Изложены результаты ретроспективного исследования, проводимого спустя 8 лет после события. Представлен феноменологический анализ 8 нарративов косвенных свидетелей теракта в минском метро. В идейном содержании рассказов респондентов автором определены две исходные темы для анализа: тема переживаний на момент, когда респондент впервые узнал о событии и тема переживаний теракта в настоящее время. На основе анализа каждой темы выделены базовые категории, позволяющие описать общую феноменологию, механизмы и закономерности переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями. В заключении демонстрируется общая картина переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями, описана научная новизна и практическая значимость исследования.

Ключевые слова: феноменологический анализ, террористический акт, экстремальное событие, косвенные свидетели.

Narratives of Indirect Witnesses about Experiencing a Terrorist Attack: a Phenomenological Analysis

The article is devoted to the problem of experience of the terrorist act in the Minsk metro by indirect witnesses. Indirect witnesses are people who were not personally present at the event, but learned about it indirectly from various sources of information. The results of a retrospective study conducted 8 years after the event are described. Phenomenological analysis of 8 narratives of indirect witnesses of the terrorist attack in the Minsk metro is presented. In the ideological content of the respondents' stories, the author identified two initial themes for analysis: 1) the theme of experience at the time when the respondent first learned about the event and 2) the theme of experience of the terrorist attack in the present tense. On the basis of the analysis of each theme, basic categories are highlighted, allowing to describe the general phenomenology, mechanisms and patterns of experience of the terrorist attack in the Minsk metro by indirect witnesses. In the conclusion, a general picture of the experience of the terrorist attack in the Minsk metro by indirect witnesses is shown, describes the scientific novelty and the practical significance of the study.

Key words: phenomenological analysis, terrorist act, extreme event, indirect witnesses.

Введение

Проблема изучения личного опыта переживания террористического акта косвенными свидетелями приобрела свою актуальность сравнительно недавно – после крупнейшего в современной истории террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. (теракт 9/11). Тогда ученые впервые обратили внимание на то, что люди, которые непосредственно не присутствовали на месте происшествия и находились далеко от эпицентра событий, жаловались на ухудшение своего самочувствия в связи с терактом 9/11, испытывали все при-

знаки ПТСР, симптомы которого сохранялись у них в течение длительного времени после трагедии [1]. Кроме того, результаты методологически различных, но общих по дизайну лонгитюд – исследований психологических последствий терактов – не только подтверждают актуальность изучения феноменологии переживания терактов его косвенными свидетелями [1–3], но и конкретизируют перспективу дальнейшего эмпирического исследования данной проблематики – изучение феноменологии переживания террористического акта его косвенными свиде-

телями в ретроспективе, т. е. спустя длительное время после события.

Статья посвящена описанию результатов ретроспективного эмпирического изучения личного опыта переживания террористического акта косвенными свидетелями (на материале теракта в минском метро).

Террористический акт в минском метро, произошедший 11 апреля 2011 г., стал одним из значимых общественно-исторических событий в новейшей истории Беларуси. С учетом исторической значимости, критичности и экстремальности события, а также результатов предшествующего эмпирического исследования, подтверждающего сохранность личностного смысла террористического акта в минском метро у косвенных свидетелей даже спустя годы после происшествия [4; 5], *задача настоящего исследования – изучить феноменологию переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями на основании их рассказов*. Представленные в статье материалы являются логическим продолжением ранее опубликованного исследования «Феноменология переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями» [6], что в совокупности составляет количественно-качественную методологию изучения заявленной проблемы. Стоит отметить, что в настоящей работе понятие «переживание» рассматривается в значении, которым оно наделяется в русле феноменологического подхода: что человек действительно испытал вне зависимости от того, что реально с ним происходило, как испытываемое субъектом эмоционально окрашенное состояние и явление действительности, непосредственно представленное в его сознании и выступающее для него событием собственной жизни [7].

Организация исследования

Исследование «феноменологии переживания» – это всегда исследование детализированного описания личного опыта переживания и проживания определенного явления конкретным человеком в максимальном приближении к тому, как оно непосредственно представлено в его сознании. По этой причине исследовательское интервью и его последующий феноменологический анализ выступили основными методами сбора и обработки эмпирических данных.

Исследовательское интервью проводилось в 2019 г., спустя 8 лет после террористического акта в минском метро. Участниками исследования стали 8 косвенных свидетелей данного события, которые либо сами могли стать жертвой теракта, либо хорошо знакомы как минимум с одним человеком, который имел риск стать жертвой теракта. Выборка исследования гетерогенна по социально-демографическим признакам, сведения о респондентах указаны на момент проведения интервью:

Респондент 1 (P1) – женщина, 50 лет, образование высшее, замужем, имеет двоих совершеннолетних детей, на момент события и на момент проведения интервью жительница районного центра в Могилевской области.

Респондент 2 (P2) – женщина, 50 лет, образование высшее, замужем, имеет двоих совершеннолетних детей, на момент события и на момент проведения интервью жительница районного центра в Могилевской области.

Респондент 3 (P3) – мужчина, 28 лет, образование высшее, холост, детей не имеет, коренной житель г. Минска.

Респондент 4 (P4) – мужчина, 28 лет, образование высшее, холост, детей не имеет, на момент события студент столичного вуза, житель г. Минска, на момент проведения интервью житель районного центра в Могилевской области.

Респондент 5 (P5) – мужчина, 28 лет, образование высшее, женат, детей не имеет, уроженец города областного подчинения в Брестской области, на момент события и на момент проведения интервью житель г. Минска.

Респондент 6 (P6) – женщина, 28 лет, образование высшее, не замужем, детей не имеет, на момент события студентка одного из университетов в Брестской области, житель города областного подчинения в Брестской области, на момент проведения интервью жительница г. Минска.

Респондент 7 (P7) – женщина, 27 лет, образование высшее, не замужем, детей не имеет, на момент события жительница районного центра в Брестской области, на момент проведения интервью жительница г. Гродно.

Респондент 8 (P8) – женщина, 27 лет, образование высшее, замужем, детей не

имеет, уроженка районного центра в Могилевской области, на момент события и на момент проведения интервью жительница г. Минска.

Все участники интервью сотрудничали на добровольных основаниях с согласием на ведение диктофонной записи. Респондентам предъявлялась следующая инструкция: *«Вспомните и опишите свои переживания по поводу террористического акта в минском метро на тот момент, когда Вы впервые узнали о событии вплоть до сегодняшнего дня»*. Ответ респондента изначально записывался на диктофон, после чего осуществлялась дословная расшифровка диктофонной записи. Все участники исследования были проинформированы в устной форме интервьюером, что по завершении беседы, за пределами диктофонной записи, они будут иметь возможность поднять тревожащие их вопросы по поводу психологических аспектов переживания террористического акта, а также, при необходимости, получить психологическую консультацию.

После расшифровки диктофонной записи алгоритм феноменологического анализа включал в себя следующую последовательность действий [7; 8]:

1) первичное прочтение протоколов интервью с выделением содержаний, которые по усмотрению исследователя отражают те или иные аспекты процесса переживания, выступают свидетельством наличия личностного смысла события или личностных изменений косвенных свидетелей террористического акта;

2) кодировка выделенных содержаний с целью их упрощения и уточнения в более емких и строгих описательных терминах;

3) выделение базовых категорий по принципу объединения близких по смыслу кодовых утверждений;

4) интерпретация базовых категорий, отражающих общую картину переживания косвенными свидетелями террористического акта в минском метро.

Результаты и их обсуждение

Поскольку содержание основного вопроса исследовательского интервью задает две исходные темы: *«Переживания на момент, когда респондент впервые узнал о событии»* и *«Переживания теракта в нас-*

тоящее время (на момент проведения интервью)», – то весь алгоритм феноменологического анализа применялся отдельно для каждой темы.

Анализ темы «Переживания на момент, когда респондент впервые узнал о событии». Содержание этой темы достаточно разнообразно и раскрывается пятью базовыми категориями: *«эмоциональная реакция на событие»*, *«неопределенность и непредсказуемость события»*, *«поиск информации»*, *«сопереживание жертвам»*, *«изменение поведения»*.

«Эмоциональная реакция на событие». Описывая свои переживания по поводу теракта, косвенные свидетели наиболее часто упоминали **чувство страха и ужаса**: *«Как-то очень даже страшно было и как-то много было переживаний... это очень страшная трагедия»* (P1). *«Трясло непонятно как, это было такое переживание... и, короче, очень страшно, очень страшно, очень переживательно это было все»* (P2). *«Меня как-то это разволновало, я переживала... в тот момент был такой приступ небольшой страха, ну, кратковременный, потому что как бы меня это не коснулось, я это быстро прожила и все, и отпустила»* (P6). *«Просто, вот, сел не в тот поезд, вот если бы он сел в следующий – это бы настигло его там, сколько там разница, что там 5–7 минут. Короче, страшно»* (P7). *«Естественно, первое – это был ужас и мысли о том, что если бы еще 5 минут мы где-то задержались и не подбежали где-то на автобус, то как раз в этот момент мы именно приехали бы на станцию в момент взрыва. Когда стали узнавать подробности о данной трагедии, естественно, все больше входили в ужас»* (P8).

Все перечисленные высказывания были озвучены женщинами, что характеризует их как более эмоционально уязвимых к подобного рода трагедиям в сравнении с мужчинами, которые описали свои эмоциональные состояния как **легкое беспокойство**: *«Но было, да, беспокойство, такое легкое, не могу сказать, что вообще волновался, места себе не находил, ну, такое, да, было беспокойство за этих людей, ну, я только вечером узнал, что все в порядке, все живы, здоровы... Отнесся я к этому, не скажу, что мне было страшно в метро потом ездить, нет, спокойно езжу, просто отно-*

шусь к этому из разряда “там на нас метеорит может упасть”» (P3). «Все были обеспокоены, у всех была тема для разговора только одна» (P4).

«Неопределенность и непредсказуемость события». Независимо от интенсивности переживаемых эмоций косвенными свидетелями по поводу террористического акта, в протоколах часто встречались указания на **недопонимание происшествия, его неожиданность и то, что в это было сложно поверить**: «Но сначала было непонятно, что это было такое, теракт это или просто взрыв, или еще где-то что-то, поэтому несколько были в замешательстве» (P1). «Ну никто не мог поверить, я в том числе не понимал: что, что это такое? Что случилось?.. Никто толком не понимал, знали только, что что-то случилось... Ну, в Минске все спокойно, тихо обычно, что-то взорвалось, причем это не какой-то там, отмечалось, как э-э-э, ну, несчастный случай, а именно как террористическая атака, т. е. ну, именно целенаправленный взрыв, вот это вообще никак не укладывалось в голове» (P3). «И у всех очень были удивленные лица, возникло смятение, внутренняя пустота образовалась какая-то... На улицах были толпы людей, у которых были растерянные лица, вот это все было очень как-то грустно и немножко непонимание, как такое могло произойти» (P4).

«Поиск информации». Во всех протоколах интервью после описания своих чувств по поводу теракта упоминается такой вариант действий, как **звонки родственникам, друзьям** для уточнения, есть ли жертвы или пострадавшие среди них: «Сразу у родственников начали спрашивать, все ли живы, все ли здоровы, вот, где кто находится» (P1). «Первое мое было сразу действие – это позвонить дочери, потому что она находится в Минске и тогда она была студенткой. Потом стала уже узнавать о других случаях, даже в нашем городе уже узнала, что туда попали люди из нашего города, и как бы ну очень переживали и плакали» (P2). «Пытались звонить, но связь сначала еще была, но потом все пропало, сеть мобильная “легла”. Начал вспоминать, кто там у меня пользуется метро, этой станцией, и пытался узнать, что с этими людьми, ну, это мои родные, близкие мне люди, опять-таки дозвониться не мог» (P3).

«Как-то родственница или мама одного из друзей, она как-то дозвонилась и сказала, что по телевизору уже взрыв произошел в метро. Потом уже стали как-то поступать звонки от родителей, которые интересовались, где я, как я и вообще, вот» (P4). «Ну, все начали звонить своим родственникам, я тоже тете начал звонить, но связь не работала, поэтому я написал СМС, чтобы тетя перезвонила, как только получится» (P5). «О террористическом акте я узнала от родителей, они мне позвонили. В тот момент я находилась в г. Барановичи, естественно, я там и была, но родители все-равно, увидев информацию по новостям, запереживали... Вспоминала, есть ли какие-то мои друзья, знакомые, там, или родственники, которые планировали поехать туда, в Минск, могли ли они быть в тот момент там, писала, уточняла, все ли хорошо, все ли в порядке» (P6). «Я схватила телефон в руку, у меня в голове сразу 5–7 имен, вот и я просто не знала, кому звонить в первую очередь, ну, позвонила лучшей подруге, т. е. первой. Она быстро взяла трубку, сообщила, что с ней все хорошо, ну, я так, может, она знает про остальных что, она говорит: “Ну, я кому успела позвонить, с нашими все нормально, вот”. Я потом начала обзванивать других по телефону, конечно же, очень переживая, ну, потому что не дай Бог» (P7). «Сразу звонили родные, с вопросами, все ли с нами хорошо» (P8).

Другой часто упоминаемой реакцией стал **просмотр новостей (телевизор, сайты, форумы)** с целью разузнать подробности трагедии: «Начали смотреть по телевизору, что там происходит, как там происходит, как люди друг другу помогали, выносили, такси подвозили людей бесплатно, ну, там, там ужас что было – много крови, люди, порезанные, побитые» (P1). «Каждый день буквально после этого мы смотрели буквально все, которые нам возможно было посмотреть, выпуски, выпуск новостей, любые, вот, эти подробности» (P2). «Начали разбираться, там, в Интернете, ну, и на сайтах, на форумах, пытались ребята получить информацию какую-то» (P3).

«Сопереживание жертвам». Тема сопереживания жертвам теракта в воспоминаниях, относящихся к моменту «первого впечатления», поднимается в рассказах тех косвенных свидетелей, которые лично зна-

комы с жертвами или пострадавшими от трагедии, и уточняется выражениями: **«Жалко людей», «Их никто не забыл, их все помнят»**: «Было жалко людей, страшно было на это смотреть... Туда попали люди из нашего города и как бы ну очень переживали и плакали» (P2). «Потом впоследствии я узнал, что там погиб мой хороший знакомый Юра, вот, и тогда как-то было непонимание, потому что буквально неделю назад с ним виделся и уже все, человека больше нет» (P4).

«Изменение поведения». В рассказах испытуемых, проживающих на момент происшествия в г. Минске, присутствуют темы **«Избегание метро»** и **«Рост бдительности»**, свидетельствующие об актуализации страха стать жертвой теракта: «Пришло время возвращаться домой, я пошел пешком, я не поехал ни на автобусе, ни на метро, не помню, тогда сделали – не сделали, сделали, по-моему. Я пошел пешком, от Петруся Бровки до диспетчерской станции “Дружная”, там уже на тралик сел и поехал. Была тревога, поэтому на метро я не пошел» (P5). «Люди, окружающие смотрели на тебя с опаской, все смотрели, чтоб все следили за своими вещами, чтобы ничего не оставалось и т. д. Все как бы на страже были» (P4). «В метро в первые дни чувствовался, ну, от людей страх, было жутко, особенно на данной станции, когда проезжали. Да даже в первое время в метро, естественно, стало меньше людей, это было ощутимо, все ездили на наземном транспорте, большинство людей» (P8).

Анализ темы «Переживание теракта в настоящее время». Содержание темы переживания теракта в настоящее время (на момент проведения исследования, спустя 8 лет после события) несколько отличается от переживания «первого впечатления» и представлена четырьмя базовыми категориями: **«негативный личностный смысл события»**, **«сопереживание жертвам теракта»**, **«переживание террористической угрозы»** и **«переосмысление жизни»**.

«Негативный личностный смысл события». Данная категория объединяет в себе две реакции на событие, выражающие либо эмоциональную, либо когнитивную сторону личностного смысла – это **либо сохранность тревоги и страха** («Ну, на сегодняшний день все равно как-то остается,

немножко уже, конечно, не до такой степени, но тревога какая-то остается» (P1). «До сих пор это переживается, потому что очень страшно подумать, что могла попасть туда моя дочь... Очень страшно, очень переживательно это было все, т. е. до сих пор это все остается внутри. Когда вспоминаешь это – это просто невозможно пережить до сих пор» (P2)), **либо отсутствие тревоги, но присутствие непонимания** («Вообще никак это особо не беспокоит, кроме того, что зачем-то кому-то понадобилось вот именно таким образом высказать какое-то свое недовольство, свои идеи донести» (P3). «На текущий момент, ну, на текущий момент я не скажу, что чувствую какую-то тревогу, что такое может повториться, ну, не знаю, что сказать про текущий момент, не знаю» (P5)).

«Сопереживание жертвам». В отсроченной перспективе категория «сопереживание жертвам» сохраняется в рассказе респондента, скорбевшего об уходе из жизни своего знакомого, и появляется в рассказе респондента, который лично не знаком с пострадавшими от теракта. Вербализуется сопереживание такими высказываниями, как **«Жалко пострадавших», «Помним жертв теракта»**: «Самое страшное, что пострадали мирные жители, которые совсем ни в чем не виноваты» (P1). «Хорошо, что там установили теперь мемориальную доску, где люди могут прийти, положить цветы и вспомнить... Я как-то была в июне в Минске, проходили мы там с дочерью на Октябрьской, это станция метро “Октябрьская” была, там постоянно лежат живые цветы, значит, те, кто ушел из жизни, конечно, их никто не забыл, их всех помнят, приходят, там даже игрушки лежали, цветы живые, игрушки, люди стояли молча, склонив голову, конечно, кто ушел, их уже не вернуть» (P1). «Ну, все равно, когда приходит апрель, показывают по телевизору годовщину, ты все-равно вспоминаешь те события, как будто что-то сверху тебя уберегло, вот, и вспоминаешь вот этого Юру, которого ты знал и которого уже больше нет, вот. Ну, все равно как-то печально событие вспоминаю, конечно, не каждый, не каждый день ты думаешь об этом, но именно когда вот тебе на слух это попадает, то ты все это вспоминаешь» (P4).

«Переживание террористической угрозы». Представленная категория является обобщением таких смысловых единиц, как «страх стать жертвой теракта», «ценностное отношение к общественной безопасности» и «переживание за своих детей и их будущее». **Страх стать жертвой теракта** конкретизируется в утверждениях типа **«Избегаю метро и места большого скопления людей»**, **«Ловлю себя на мысли, а вдруг снова теракт»**: «Сейчас я нахожусь часто, да, в Минске, и в метро, и бывают моменты, когда я себя ловлю на мысли, что вот если большая-большая толпа людей едет в метро или как-то странно двигается метро, т. е. там притормаживает, разгоняется или там, может быть, банальная какая-то, ну, не знаю, поломка где-то на линии метро, но есть такая мысль, что а вдруг сейчас опять какой-то теракт. А, ну и сейчас, например, когда большие, массовые мероприятия, тоже всегда себя как-то немножко останавливаешь и думаешь над тем, ну, может ли что-то случиться, не может» (Р6). «После этого я, наверное, года два я реально боялась заходить в метро, когда была в Минске, и, конечно, я знала, что воронка, ой, воронка – бомба в одну и ту же воронку два раза не падает, но все-равно я старалась максимально возможно вообще как-то добираться, избегая метро, общественным транспортом – автобусы, троллейбусы, трамваи в конце концов, вот, ну очень-очень минимально. Потом уже как-то, не знаю, как-то, наверное, отошла, стало мне чуть-чуть проще, и я поэтому уже осмелилась, скажем, на постоянной основе пользоваться метро, хотя, ты знаешь, до сих пор поезживаюсь периодически, когда туда захожу. Не люблю метро, не люблю закрытое пространство, не люблю вообще осознание того, что над тобой не небо, а какое-то, не знаю, подземный тоннель и там, где-то над тобой, дорога или еще что-то и т. д., и т. п.» (Р7). «Сейчас уже состояние нормальное, но в местах больших скоплений народа, например по праздникам, не очень хочется находиться, потому что все-таки есть отражение того, что тогда произошло на этом теракте, т. е. есть подозрение того, что может произойти что-то подобное именно в дни скопления народа, и

поэтому хочется быть где-то в отдаленных местах от подобных сборов» (Р8).

Еще одним вариантом раскрытия данной категории является поднятие респондентами **темы безопасности и ценностного отношения к общественной безопасности**: «В своей стране, где даже не, ну, предположений даже таких не могло быть, что это может быть такое случится, то, конечно, как-то немножко сразу и страшно становится. Если где-то это далеко, то это далеко, это не так страшно, но когда здесь...» (Р1). «Не скажу, что мне было страшно в метро потом ездить, нет, спокойно езжу, просто отношусь к этому из разряда там “на нас метеорит может упасть”, ну, т. е. у нас не часто такое случается, не дай Бог вообще, чтоб такое случилось, надеюсь, что это единственный такой случай был, вот, но отношусь к этому как, ну, случиться может всякое и везде, поэтому как-то спокойно, в метро езжу спокойно» (Р3). «После того в метро, естественно, на станции появились зоны досмотра, именно со сканированием, да, это как бы сейчас показатель того, что более серьезно относятся к безопасности людей. Но вместе с тем уже такого не ожидаешь, Беларусь по теме террористических актов достаточно безопасная страна» (Р8).

Судя по высказываниям наших респондентов, теракт в минском метро заставил их задуматься о своей безопасности, придать большее значение данной потребности в своей жизни, но не нарушил веру в безопасность своей страны, хотя само событие воспринимается как нестандартное и нетипичное для Беларуси.

Третий вариант переживания террористической угрозы выделен нами из содержания протоколов респондентов, имеющих детей, и конкретизируется в **переживании за своих детей и их будущее**: «Дети мои тоже собирались поступать в Минск, учиться, тоже волнения, переживания, я смотрю: время уже прошло почти 10 лет с того теракта, ну, на сегодняшний день все равно как-то остается, немножко уже, конечно, не до такой степени, но тревога какая-то остается... Ну, а мы, мы как-то так больше теперь переживаем за своих детей, чем за себя, потому что, ну, уже хоть сколько-то прожили, ну, а нашим де-

тям жить» (P1). «До сих пор это в сердце, вот эти переживания за свою дочку, за Наташку, и за вообще просто вот когда вспоминаешь это – это просто невозможно пережить до сих пор» (P2).

«Переосмысление жизни». Категория «переосмысление жизни» представлена в одном протоколе, содержащем интервью с женщиной 50 лет. В своем рассказе она делится с нами мыслью, на которую ее навел теракт – **ценить нужно каждый день, каждую минуту этой жизни:** «Немного переосмыслила сам смысл жизни, что ценить надо каждый день, каждую минуту этой жизни, потому что никогда не знаешь и нельзя предугадать, что будет завтра. Ну, вот этот вот теракт, конечно, и показал, что никогда не знаешь, что будет и как будет, поэтому надо ценить каждый момент своей жизни» (P1).

В исследовании мы стремились проанализировать нарративы косвенных свидетелей террористического акта в минском метро с целью обнаружения и раскрытия общей феноменологии, механизмов и закономерностей переживания подобного рода событий косвенными свидетелями. В ходе анализа мы обратили внимание, что некоторые вышеперечисленные базовые категории по-разному переживаются косвенными свидетелями с сильными (страх, ужас) и менее интенсивными (легкое беспокойство, волнение) первичными эмоциональными реакциями на событие, ввиду чего последующий синтез эмпирических данных производился с учетом разделения респондентов на две группы с условным обозначением «эмоционально уязвимые» и «эмоционально устойчивые» к теракту косвенные свидетели. Схематично основные результаты проведенного анализа представлены в таблице.

В самом общем виде в выявленной феноменологии переживания отчетливо прослеживаются три классических компонента процесса совладания с экстремальным событием: эмоциональная реакция (страх, тревога), когнитивное оценивание (непонятное событие, неопределенное) и поведенческие копинг-стратегии (поиск информации, избегание метро, рост бдительности). Результатом процесса совладания выступает формирование и сохранность спустя годы после происшествия *двух ново-*

образований личности – «негативного личностного смысла террористического акта в минском метро», выраженного в негативной оценке события [6], и *переживания террористической угрозы*, т. е. субъективной оценки риска стать жертвой теракта [9]. Представленность в сознании косвенных свидетелей данных переживаний (новых для них) включается в процесс когнитивного оценивания будущих событий жизни и участвует в регуляции их поведения (например, «Избегаю метро и мест большого скопления людей» или «В метро езжу спокойно, отношусь к этому как “ну, случиться может всякое”»). Рассматривая результаты настоящего исследования в комплексе с ранее опубликованными нашими работами, посвященными изучению отсроченных психологических последствий террористического акта [4–6], мы приходим к выводу, что в большинстве случаев формирование вышеупомянутых новообразований личности можно рассматривать как итог процесса переживания по поводу теракта в минском метро косвенными свидетелями. Однако стоит отметить, что негативный личностный смысл события является локальным новообразованием в ценностно-смысловой структуре личности и, вступая во взаимосвязи с другими личностными смыслами человека, способен образовывать последующие, *частные варианты переживания события*.

Так, на этапе когнитивного оценивания, в случае явного раскрытия причинно-следственных или целе-средственных отношений между событием и значимыми интенциями личности, наступает процесс переосмысления собственной жизни. Иными словами, косвенные свидетели тогда начинают производить переоценку своей жизни, когда отдают себе отчет о том, как изменились их мысли, чувства, поведение после столкновения с данным событием (причинно-следственные отношения), а также тогда, когда отчетливо осознают, как это событие способствовало (позитивный личностный смысл) либо препятствовало (негативный личностный смысл) реализации их базовых, жизненно важных потребностей или высших личностных ценностей (целе-средственные отношения).

Таблица. – Феноменология переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями

Таблица. Феноменология переживания теракта в минском метро косвенными свидетелями		
Категории переживания	Эмоционально уязвимые	Эмоционально устойчивые
ПЕРЕЖИВАНИЯ НА МОМЕНТ, КОГДА ВПЕРВЫЕ УЗНАЛИ О СОБЫТИИ		
Эмоциональная реакция на событие	Чувство страха и ужаса	Легкое беспокойство
Переживание неопределенности и непредсказуемости события	Недопонимание происшествия, его неожиданность, в это было сложно поверить	
Поиск информации	Звонки родственникам, друзьям, просмотр новостей: телевизор, сайты, форумы	
Сопереживание жертвам	«Жалко людей», «Их никто не забыл, их все помнят», – поднимается в рассказах тех косвенных свидетелей, которые лично знакомы с жертвами или пострадавшими от трагедии	Нет упоминания данной темы
Изменение поведения	Избегание метро и рост бдительности	
ПЕРЕЖИВАНИЯ КОСВЕННЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ		
Негативный личностный смысл события	Сохранность тревоги и страха	Отсутствие тревоги, но присутствие недопонимания
Сопереживание жертвам	«Жалко пострадавших», «Помним жертв теракта», – сохраняется в рассказе респондента, скорбевшего об уходе из жизни своего знакомого и появляется в рассказе респондента, который лично не знаком с пострадавшими от теракта	Нет упоминания данной темы
Переживание террористической угрозы	Страх стать жертвой террористического акта	
	«Избегаю метро и места большого скопления людей», «Ловлю себя на мысли, а вдруг снова теракт»	«В метро езжу спокойно»
	ценностное отношение к общественной безопасности	
	«На станции появились зоны досмотра, именно со сканированием, Беларусь по теме терактов достаточно безопасная»	«Надеюсь, что это единственный такой случай был, отношусь к этому как “ну, случится может всякое и везде”»
	Переживание за своих детей и их будущее	
Переосмысление жизни	«Больше теперь переживаем за своих детей, чем за себя»	Нет упоминания данной темы, респонденты не имеют детей
	«Ценить нужно каждый день, каждую минуту этой жизни»	Нет упоминаний темы «Переосмысление жизни»

При интенсивном переживании негативного личностного смысла, когда косвенный свидетель отдает себе отчет в том, что его возможности реализовать свои жизненно необходимые потребности и высшие личностные ценности практически заблокированы, для поддержания психологического благополучия он вынужден прибегать к переоценке смысла собственной жизни [10]. Такой механизм переживания теракта обнаружен нами в протоколе респондента зрелого возраста (P1) и выражен он в суждениях: «Немножко переосмыслила сам смысл жизни, что ценить надо каждый день, каждую минуту этой жизни, потому что

никогда не знаешь и нельзя предугадать, что будет завтра. Ну, вот, этот вот теракт, конечно, и показал, что никогда не знаешь, что будет и как будет, поэтому надо ценить каждый момент своей жизни». Исходя из анализа протокола респондента в сопоставлении с общей картиной переживания теракта косвенными свидетелями (таблица) можно заключить, что данный нарратив полностью согласуется с общей картиной переживания теракта. Полученный результат дает основания предположить, что условиями переосмысления жизни косвенными свидетелями вследствие переживания подобного рода событий мо-

гут выступать сильная эмоциональная реакция на событие по типу страха и ужаса, интенсивный негативный личностный смысл, сопереживание пострадавшим и жертвам теракта, переживание за своих детей и их будущее (личностный смысл события образует смысловую связь с базовой ценностью жизни и ценностью ребенка). Проверка данной гипотезы составляет перспективу дальнейших исследований в области переживания косвенными свидетелями экстремальных макросоциальных событий.

Заключение

Обобщая анализ нарративов косвенных свидетелей о переживании террористического акта, стоит отметить, что в их рассказах устойчиво проявляется одна из тенденций переживания изучаемого события, обусловленная интенсивностью первичных эмоциональных реакций на происшествие. Условно данные группы респондентов мы обозначили как «эмоционально уязвимые» и «эмоционально устойчивые» к теракту косвенные свидетели. Для первой группы респондентов характерны интенсивные первичные эмоциональные реакции на событие по типу «страх и ужас», переживание неопределенности и непредсказуемости события и такие формы совладающего поведения, как поиск информации о событии, сопереживание жертвам теракта, избегание места происшествия, что в отсроченной перспективе проявляется в виде тревоги и страха по поводу повторения теракта, боязни стать его жертвой, в сопереживании пострадавшим, а также ценностном отношении к общественной безопасности, переживании за своих детей и их будущее, что с большей вероятностью становится основой переосмысления жизни. В группе «эмоционально устойчивых» к теракту респондентов в качестве первичной эмоциональной реакции на событие отмечается легкое беспокойство, при этом не поднимается тема сопереживания жертвам теракта, но присутствуют воспоминания о действиях, связан-

ных с активным поиском информации о случившемся, а также о повышении бдительности в первое время после теракта. В отсроченной перспективе косвенные свидетели данной группы демонстрируют отсутствие тревоги, полное спокойствие в отношении пребывания в метро, при этом сохраняют недопонимание произошедшего, разделяют ценностное отношение к общественной безопасности. Упоминания тем сопереживания жертвам и переосмысления жизни отсутствуют. Поскольку эмоции с точки зрения деятельностно-смыслового подхода являются формой выражения личностного смысла в сознании людей, результаты настоящего исследования можно подытожить выводом о том, что формирование интенсивного негативного личностного смысла события является основой экстенсивных личностных изменений косвенных свидетелей в долгосрочной перспективе. Верификация данной гипотезы составляет дальнейшую перспективу исследования. Научная же новизна представленных результатов исследования состоит в систематизации и обобщении феноменологических описаний (описаний явлений) личного опыта переживания косвенными свидетелями террористического акта в минском метро в максимальном приближении к тому, как оно непосредственно представлено в их сознании. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в психоконсультативной практике при построении стратегии психологической помощи косвенным свидетелям террористического акта, основанной на теме переживания личностного смысла события и направленной на осознание связи переживаемого события с теми внутренними интенциями личности, которые были им заблокированы либо стали под угрозу реализации. В итоге стратегия психологической помощи косвенным свидетелям должна отражать идею поиска ими возможностей реализации внутренних потребностей своей жизни в изменившихся условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Speckhard, A. Acute Stress Disorder in Diplomats, Military and Civilian Americans Living Abroad Following the September 11th Terrorist Attacks on America / A. Speckhard // *Research & Practice*. – 2003. – Vol. 34 (2). – P. 151–158.

2. New York City young adults' psychological reactions to 9/11: findings from the Reach for Health longitudinal study / G. Agronick [et al.] // American Journal of Community Psychology. – 2007. – Vol. 39. – P. 79–90.
3. The distinct roles of spirituality and religiosity in physical and mental health after collective trauma: a national longitudinal study of responses to the 9/11 attacks / D. N. McIntosh [et al.] // Journal of Behavioral Medicine. – 2011. – Vol. 34, iss. 6. – P. 497–507.
4. Парфенова, Т. В. Личностный смысл как центральное звено в механизме развития личности под воздействием критических и экстремальных событий / Т. В. Парфенова // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 143–153.
5. Парфенова, Т. В. Переживание террористического акта косвенными свидетелями: опыт эмпирического изучения отсроченных психологических последствий / Т. В. Парфенова // Гродненская психология: вчера, сегодня, завтра : монография / под науч. ред. К. В. Карпинского. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 209–236.
6. Парфенова, Т. В. Феноменология переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями / Т. В. Парфенова // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 151–158.
7. Улановский, А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 130–150.
8. Moustakas, C. Phenomenological research methods / C. Moustakas. – Thousand Oaks : Sage Publications, 1994. – 192 p.
9. Тарабрина, Н. В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование / Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец. – М. : Ин-т психологии РАН, 2014. – 156 с.
10. Карпинский, К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности : монография / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2021. – 219 с.

REFERENCES

1. Speckhard, A. Acute Stress Disorder in Diplomats, Military and Civilian Americans Living Abroad Following the September 11th Terrorist Attacks on America / A. Speckhard // Research & Practice. – 2003. – Vol. 34 (2). – P. 151–158.
2. New York City young adults' psychological reactions to 9/11: findings from the Reach for Health longitudinal study / G. Agronick [et al.] // American Journal of Community Psychology. – 2007. – Vol. 39. – P. 79–90.
3. The distinct roles of spirituality and religiosity in physical and mental health after collective trauma: a national longitudinal study of responses to the 9/11 attacks / D. N. McIntosh [et al.] // Journal of Behavioral Medicine. – 2011. – Vol. 34, iss. 6. – P. 497–507.
4. Parfionova, T. V. Lichnostnyj smysl kak central'noje zvieno v miekhanizmie razvitija lichnosti pod vozdiejstviem kritichieskikh i ekstriemal'nykh sobytij / T. V. Parfionova // Viesn. HrDU imia Yanki Kupaly. Sier. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija. – 2020. – Т. 10, № 1. – S. 143–153.
5. Parfionova, T. V. Pieriezhivaniye tierroristichieskogo akta kosviennymi svidietieliami: opyt empirichieskogo izuchienija otsrochiennykh psikhologichieskikh posliedstvij / T. V. Parfionova // Grodnienskaja psikhologija: vchiera, siegodnia, zavtra : monografija / pod nauch. ried. K. V. Karpinskogo. – Grodno : GrGU, 2021. – S. 209–236.
6. Parfionova, T. V. Fienomienologija pieriezhivaniya tierroristichieskogo akta v minskom mietro kosviennymi svidietieliami / T. V. Parfionova // Viesn. HrDU imia Yanki Kupaly. Sier. 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija. – 2019. – Т. 9, № 2. – S. 151–158.
7. Ulanovskij, A. M. Fienomienologichieskij mietod v psikhologii, psikhiatrii i psikhotierapii / A. M. Ulanovskij // Mietodologija i istorija psikhologii. – 2007. – Т. 2, vyp. 1. – S. 130–150.
8. Moustakas, C. Phenomenological research methods / C. Moustakas. – Thousand Oaks : Sage Publications, 1994. – 192 p.
9. Tarabrina, N. V. Tierroristichieskaja ugroza: tieorietiko-empirichieskoje issliedovaniye / N. V. Tarabrina, Yu. V. Bykhoviec. – М. : In-t psikhologii RAN, 2014. – 156 s.
10. Karpinskij, K. V. Istochniki smysla zhizni: novyj mietod psikhodiagnostiki lichnosti : monografija / K. V. Karpinskij. – Grodno : GrGU im. Ya.